

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГОДЪ II.

ХАРЬКОВЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ 9 (21) МАЯ 1882 ГОДА.

№ 467.

Отдѣльные №№ „Южнаго Края“ продаются по 6 к.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

1882 года.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакция газеты помещается въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1-й, для личныхъ объясненій по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ дня. Статьи, доставляемыя въ редакцію, должны быть непременно за подписью и съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ обозначенія условий, принимаются безплатными. Статьи, признанныя удобными для печати, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Мелкія статьи, замѣтки и корреспонденція, неудобныя для печати, уничтожаются.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Харьковского Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Иосифовича, принимаетъ подписку и объявленія; открыта въ будни отъ 8 час. утра до 7 час. вечера, а въ воскресные и праздничные дни отъ 11 до 4 час. дня.

Кромѣ того, ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ Петербургѣ — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струтинскаго и въ книжномъ магазинѣ Эмиліи Ратке, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ Москвѣ — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Пешковской; въ Варшавѣ — въ Варшавской конторѣ объявленій Рейхманъ и Френкель; въ С.-Петербурѣ — въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ — въ книжномъ магазинѣ В. И. Вязого и Е. П. Распопова; въ Полтавѣ — въ книжномъ магазинѣ Г. И. Войно-Родзевича и въ Кременчугѣ — у нотариуса И. Ф. Зильберберга. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ — у Havas, Lafitte et Co, Place de la Bourse.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ дост.	Съ дост.	Съ перес.		Безъ дост.	Съ дост.	Съ перес.
На годъ	10 50	12 50	12 50	На 6 мѣс.	6 50	7 50	7 50
„ 11 мѣс.	10 50	12 50	12 50	„ 5 мѣс.	5 50	6 50	6 50
„ 10 „	9 25	10 75	11 25	„ 4 „	4 50	5 20	5 60
„ 9 „	8 50	10 „	10 25	„ 3 „	3 50	4 20	4 50
„ 8 „	7 75	9 10	9 50	„ 2 „	2 50	3 20	3 50
„ 7 „	7 „	8 20	8 50	„ 1 „	1 20	1 40	1 60

Допускается разсрочка платежа за годовое экземпляръ, по соглашенію съ редакціей. Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ВЪ КНИЖНОМЪ И МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

БОЛЕСЛАВА КОРЕЙВО

въ КИЕВѢ, Крещатикѣ, № 35-й,

поступили въ продажу слѣдующія музыкальныя произведенія:

3-й СВѢРНИКЪ УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЪ

зібравъ и у ноті завівъ М. Лисенко. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

1-й и 2-й СВѢРНИКЪ УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЪ

М. Лисенко. Цѣна по 2 р. 50 к., съ перес. по 3 р.

НОТЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ ДВѢ РУКИ.

Лисенко М. Оп. 8. Первая украинская рандоля	Цѣна 1 р. 50 коп.
„ Оп. 15. Baccarolle	— 75 „
„ Оп. 17. Valse melancolique	— 75 „
„ Оп. 18. Шумка-Думка 2-ме Rhapsodie de l'Ukraine	— 90 „
„ Оп. 19. Nostalgie Cis-mol	— 90 „
Мариченко Н. 19 малороссійскихъ пѣсенъ	— 75 „
Константиновъ Г. Вальсъ „А изъ роши, роши тоини“ и другія пѣсенъ, пѣтъкъ въ концертахъ Саваянскимъ	— 75 „
Ходоревскій Г. К. Баркаролла (B-moll)	— 60 „
„ Украинская рандоля	1 50 „
„ Вальсъ-Каприсъ	— 90 „
Завадскій М. Украинскія танцы (Чабырки) Оп. 339, въ 5-ти тетрадахъ, каждая по	1 „ 20 „

Всѣ эти ноты продаются во всѣхъ лучшихъ музыкальныхъ магазинахъ.

СТРАХОВАНІЕ ПЕНСІИ НА СТАРОСТЬ.

Примѣръ: лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себя пенсію (доходъ) въ 1,000 рублей ежегодно,

уплата которой начинается съ 60-ти лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.

За это страхованіе слѣдуетъ платить страховому обществу „Россія“, до начала пенсіи, по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждые три мѣсяца.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрѣ

СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА „РОССІЯ“.

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно правленіемъ въ С.-Петербурѣ (Большая Морская, № 13), и агентствами.

Контора главнаго агентства помещается на Театральной площади, въ домѣ И. О. Рубинштейна, открыта ежедневно кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 10 час. утра, до 3 час. по полудни.

Главный агентъ Исаакъ Яковлевичъ Рубинштейнъ.

„ОПЫТЪ ЕСТЕСТВЕННАГО БОГОСЛОВІЯ“.

ежегодное изданіе безъ предварительной цензуры.

Изданіе „годъ третій“ будетъ состоять изъ 12-ти книгъ, въ трехъ выпускахъ, подъ общими названіями:

1) Современное общество; 2) религія и современное знаніе; 3) естественная религія и откровеніе.

ВЫПЛИ ТРИ ПЕРВЫЯ КНИГИ:

1) „Соврем. общ.“ — Въ числѣ другихъ статей помѣщенъ критич. обзоръ дѣятельности предсѣдателя учеб. комит. прот. И. В. Васильева; 2) „Религія и соврем. знаніе“ — критич. разборъ популярнаго лекцій проф. Тимирязева „Жизнь растеній“; 3) Критич. разборъ естественнаго подбора Уоллеса и воззрѣній на него проф. Вагнера. Продаются по 50 к. за книгу, въ книжномъ магазинѣ Ив. Ив. Куколевскаго, Екатеринбургская, противъ гостин. „Дамара“. Тамъ же принимается подписка на все изданіе „годъ третій“, по 1 руб. 25 к. въ мѣсяцъ. Полное экзemplарное изданіе „годъ второй“, состоящаго изъ 5-ти книгъ, продается у Куколевскаго по 5 р., съ пересылкой 6 р.; каждая книга отдѣльно продается по 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к. Главный складъ изданія въ С.-Петербурѣ, въ складѣ товарищества „Обществен. польза“, Большая Подъячская, 39.

ДОКТОРЪ Н. Д. ГАВРОНСКІЙ

по примѣру предсѣдательствовавшій 9-ти лѣтъ и въ предстоящій сезонъ (1882 г.) будетъ практиковать въ Желѣзнодорожскѣ, при казначействѣ, рваныхъ водахъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 8 мая 1882 года.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ.

Пѣсенная хроника: Городецкая дума. — Изъ городской жизни.

Телеграммы (отъ спеціальн. корреспондент. „Южнаго Края“, отъ „Международн. телеграфн. агентства“ и изъ другихъ газетъ).

Послѣднія вѣстивія.

Взвѣшенія вѣстивія: Корресп. „Южнаго Края“ изъ Рима. — Вѣстивія другія газетъ изъ Одессы, Симферополя, Очакова, Остра, Ефремова и Мариуполя.

Колѣнчатое обозрѣніе.

Швей.

Виржевая хроника и торговый отдѣлъ.

Календарь.

Справочныя свѣдѣнія.

Фельетонъ: По независимымъ обстоятельствамъ, Джосіа Миксберъ.

Стороннее сообщеніе.

Объявленія.

ХАРЬКОВЪ,

8-го мая 1882 г.

Тотъ вопросъ, который уже давнымъ давно рѣшонъ въ западной Европѣ, у насъ еще и теперь порождаетъ споры, раздѣляетъ публицистовъ на враждебно одна къ другой относящихся партій, а въ правительственныхъ сферахъ вызываетъ колебанія и нерѣшительность. Мы говоримъ объ отношеніяхъ государства и господствующей религіи къ ея отщепенцамъ. Въ Англіи, напримѣръ, на ряду съ высокою церковью, имѣющею многочисленную и сложную іерархію и громадную богатства, существуютъ, не подвергаясь никакимъ стѣсненіямъ, церкви диссидентскія: баптисты, унитары, моравскіе братья, святые послѣдняго дня, соединенные пресвитеріане, друзья и проч., и проч. Всѣ эти церкви владѣютъ значительными имуществами, управляютъ собственными синодами, ежегодно собираютъ парламенты, т. е. соборы и имѣютъ тысячи капеллъ, благотворительныхъ учрежденій и школъ. И никому не кажется это страннымъ; священнослужителямъ англиканской

церкви даже не приходится въ голову требовать для поддержанія своего авторитета репрессивныхъ мѣръ, вышестейства свѣтской власти въ дѣла совѣсти. А между тѣмъ англійскіе раскольники, по своему ученію, во многомъ напоминаютъ нашихъ: и у тѣхъ, и другихъ находимъ множество самыхъ нелѣпыхъ догматовъ и предразсудковъ. Но въ Англіи уже много лѣтъ тому назадъ поняли, что съ заблужденіями слѣдуетъ бороться посредствомъ печатнаго и устного слова, а не посредствомъ полицейскихъ мѣръ. Про Петра Великаго передаютъ такой анекдотъ. Однажды императоръ спросилъ про нѣсколькихъ раскольниковъ, которые ему попались на глаза. „Что, они честные люди?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, государь сказалъ: „если такъ, то пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и если ихъ нельзя обратить изъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не побоятъ ни мечъ, ни огонь, а чести быть мучениками они не достойны, да и государство пользы отъ того имѣть не будетъ“. Нѣкоторые изъ нашихъ теперешнихъ писателей и ученыхъ и по нынѣ не усвоили себѣ этой простой и очевидной истины, высказанной гениальнымъ монархомъ болѣе полутора столѣтія тому назадъ.

Возставай противъ вѣротерпимости по принципу не у всѣхъ хватаетъ отваги, и вотъ, при помощи разныхъ натяжекъ, придумываются соображенія, по которымъ ее необходимо ограничить относительно раскольниковъ, сообщенія, имѣющія въ виду интереса не церкви, а государства. Не такъ давно „Московскія Вѣдомости“ порѣшили, что расколъ содержитъ въ себѣ противогосударственные элементы, что возставай противъ стѣсненій, которыми подвергается его послѣдователи, значить работать въ пользу „смуты“. „Новое Время“, въ одномъ изъ послѣднихъ №№, перечисляя причины, по которымъ нельзя отнѣмать мѣръ, направленныхъ противъ раскола, тоже объявило, что почти всѣ раскольничьи секты, въ большей или меньшей степени, провинны противогосударственнымъ духомъ.

Старая пѣсня! Впервые затнужу ее, если не ошибаюсь, покойный Липранди, ставшійся заступать лицъ, властью имѣвшихъ, республиканскими и социалистическими стремленіями, будто бы господствующими въ средѣ безпоповцевъ. Это тотъ самый Липранди, который доносилъ „по принадлежности“, что славянофильство есть ничто иное, какъ одинъ изъ старообрядческихъ толковъ, тотъ самый Липранди, который скорбѣлъ, что иконы и книги, отбираемыя

у раскольниковъ и не рѣдко имѣющія громадное значеніе въ археологическомъ отношеніи, не всегда предаются сожженію. Въ настоящее время исторія и догматика раскола разработаны на столько, что трудно найти людей, которые повѣрили бы, что раскольники представляютъ часть населенія, которую легко можетъ воспользоваться всякая „интрига“ въ своихъ цѣляхъ. Утверждать, будто почти всѣ раскольничьи секты имѣютъ характеръ анти-государственный, можетъ лишь тотъ, у кого нѣтъ ни малѣйшаго понятія о расколѣ. Даже г. Субботинъ, всегда относившійся къ расколу крайне враждебно, но серьезно занимавшійся его изученіемъ, — даже г. Субботинъ признаетъ, что большая половина раскольниковъ, — а именно всѣ поповцы, за исключеніемъ окружниковъ, а изъ безпоповцевъ — послѣдователи поморской секты и Спасова согласія, — въ политическомъ отношеніи ничто предосудительнаго не представляютъ: при общественныхъ богослуженіяхъ молятся за Царя и чтятъ его власть. Г. Субботинъ думаетъ, что не признаютъ ее только нѣкоторыя и при томъ весьма не многія секты: молокане, духоборцы, едосѣвцы и друг. Но г. Мельниковъ, первый знатокъ раскола, болѣе 20-ти лѣтъ работавшій надъ его исторіей, въ 1875 г., по приглашенію комиссіи, которой поручено было пересмотрѣть законы о расколѣ, высказался по вопросу, насъ занимающему, въ томъ смыслѣ, что секты, отрицающія государственную власть и верховнаго представителя ея, не существуютъ. Мнѣніе это подтверждается фактами. Едосѣвцы, — толкъ которыхъ причисляютъ духовнымъ вѣдомствомъ къ особенно вреднымъ съ государственной точки зрѣнія, — въ 1863 г. не только не оказали никакой поддержки польской справѣ, а лопили и представляли правительству матежниковъ и людей, распространявшихъ въ народѣ такъ называемую „золотую грамоту“. Всѣ попытки Герцена и Бакунина привлечь на свою сторону поповцевъ окончились полнѣйшимъ неудачемъ. Въ политическихъ процессахъ, производившихся за послѣднія пятнадцать лѣтъ, въ числѣ подсудимыхъ — весьма замѣчательно! — не было ни одного раскольника. Наши революціонеры, какъ обнаружилось изъ судебныхъ отчетовъ, пробовали склонять на свою сторону молоканъ, но скоро должны были придти къ заключенію, что въ ихъ средѣ пропаганда не можетъ имѣть ни малѣйшаго успѣха. Молокане — секта, если вѣрить нѣкоторымъ писателямъ, одна изъ самыхъ опасныхъ для государства, — по словамъ

поповцевъ — весьма замѣчательно! — не было ни одного раскольника. Наши революціонеры, какъ обнаружилось изъ судебныхъ отчетовъ, пробовали склонять на свою сторону молоканъ, но скоро должны были придти къ заключенію, что въ ихъ средѣ пропаганда не можетъ имѣть ни малѣйшаго успѣха. Молокане — секта, если вѣрить нѣкоторымъ писателямъ, одна изъ самыхъ опасныхъ для государства, — по словамъ

По независимымъ обстоятельствамъ.

Дѣло было въ городѣ Гадячѣ, 1882 года мая ** дня, въ 6 часовъ 38 минутъ по полудни. Ниженодписавшійся только что возсталъ отъ сна и собрался идти на прогулку, любопытствуя знать, чѣмъ угѣшается человечество и высаятъ себя сколько-нибудь идеалы современниковъ. Но дверь отворилась, въ комнату вошелъ разсѣянный-комиссіонеръ и подалъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

Дорогой другъ!

Спасай! Завтра воскресенье. Цензура не пропустила фельетона, принадлежащаго перу постоянного фельетониста, который въ настоящую минуту выхлѣлъ въ Полтаву. Въ запасѣ для воскреснаго фельетона у меня ничего, безпосаганно въ цензурномъ отношеніи, нѣтъ, хоть шаромъ покати; положеніе отчаянное. Приходится или совсѣмъ не выпускать номера, или оставить выѣсто фельетона бѣлую лепешку, или вставить въ него объявленія обо всякой дряни, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые редакторы маленькихъ провинціальныхъ газетъ, въ случаѣ дѣйствія печати, отъ редакціи независимыхъ. Не желая заставлять читателей моей газеты выѣсто фельетона читать объявленія, обращаюсь по старой дружбѣ къ тебѣ, какъ къ человеку, къ литературѣ прикосновенію имѣвшему, и убѣдительно прошу вырвать меня изъ бѣды, — написать хоть какой-нибудь маленькій фельетончикъ, чтобы затнужу имъ получившуюся по номеру дыру. Для свѣдѣнія сообщая условия, соблюденіе которыхъ безусловно необходимо, для того, чтобы не вышло какихъ-нибудь недоразумѣній: настроеніе должно быть непременно веселое, такъ какъ и безъ того до смерти скучно; сюжетъ преимущественно мѣстный, — не интересно знать,

что дѣлается теперь на островѣ Мадагаскаръ; мысли должны быть безусловно цензурныя, не подлежащія ни въ какомъ случаѣ конфискаціи, такъ какъ, въ случаѣ утраты „по независимымъ обстоятельствамъ“ хотя бы даже 20 строкъ, въ типографіи произойдетъ невообразимый сумбуръ: но номеръ уже сверстанъ и остается мѣсто только на 500 строкъ. Вслѣдствіе этого и самый фельетонъ долженъ заключать въ себѣ ровно 500 строкъ, ни одной больше, ни одной меньше. Тему — предоставляю вполнѣ лично твоему усмотрѣнію, замѣчу только, что не слѣдуетъ касаться личностей, не слѣдуетъ разбирать дѣятельности мѣстныхъ учрежденій мѣстныхъ служащихъ и ихъ родственниковъ, не нужно касаться серьезныхъ вопросовъ дня, ни по внутренней, ни по внѣшней политикѣ, ни по земскому, ни по городскому самоуправленію, подробности о томъ — чего нельзя — предоставляю тебѣ сообразить самому, такъ какъ писать нѣкогда, дорога каждая минута. Твердо вѣрю, что въ память старой дружбы, не откажешь выручить изъ бѣды стараго пріятели. Крайній срокъ до 10-ти часовъ вечера. Ради всего святаго спасай! Наборщики ждутъ.

Всѣ твой П. — ко.

Р. S. Отвѣтъ съ посланнымъ: да или нѣтъ.

Прочитавши такое необыкновенное письмо, ниженодписавшійся развелъ руками и какъ будто немного оторопѣлъ. — Вотъ тебѣ и раз! Прощу покорно! Отъ роду не былъ фельетонистомъ! Отъ роду не чувствовалъ нисразу веселости! Гм! „Къ литературѣ прикосновенію имѣвшему“, чортъ знаетъ что такое! Ну да, дѣйствительно, я писаль, но, вопервыхъ, это было давно, вовторыхъ я писалъ не много, втретьихъ, я писалъ все серьезныя вещи, могущія принести лишь несомнѣнную пользу дорогому отечеству. Такъ я, напримѣръ, написалъ учное изслѣдованіе

— „О необходимости введенія свободы совѣсти для земледѣльцевъ, имѣющихъ копія проданы банками съ публичныхъ торговъ. Москва. Университетская типографія. Изданіе тридцать четвертое“. Моему перу также принадлежатъ статьи „О введеніи интенсивной культуры и порфольскаго сѣвооборота на поляхъ бывшихъ дворянскихъ людей, къ волеямъ неприписанныхъ и немѣющихся обѣдлости“, тоже въ Москвѣ издавалъ, затѣмъ мнѣ же принадлежитъ (скромно заставляя меня не разсуждать этого спорнаго вопроса) — „Изслѣдованіе о пользѣ и необходимости жука aniporia austriaca для развитія экономическаго благосостоянія страны и для благоденствія русскаго поселянина“. Потомъ...

Но, однако, къ чему же перечислять всѣ мои учные труды. Достаточно и этого. Вы изволите и изъ этого усмотрѣть съ достаточной ясностью, что я человекъ серьезный, что я пустяками не занимаюсь и считалъ за стыдъ тратить время на безполезную фельетонную болтовню. И вдругъ — изволь писать фельетонъ! Чортъ знаетъ что такое! Да еще воскресный, да изъ мѣстной жизни, да еще мѣстнаго ничего незатрогивающій, да еще..... Батюшки, да вѣдь это можно съ ума сойти! Эдакая неадекватность, а съ другой стороны и отказываться нельзя: ну какъ откажешься, когда человекъ въ безвыходномъ положеніи умоляетъ о помощи? Э, куда ни шло попробую! Нечего дѣлать, скажи, братецъ, что моль хорошо, привезу самъ къ назначенному сроку!

Комиссіонеръ ушолъ. Ниженодписавшійся, снявъ шляпу, пальто и перчатки, поставилъ въ уголъ зонтикъ съѣзъ къ столу и положивши передъ собою тетрадь блон бумаги, обмахнулъ перо въ чернильницу — и задумался.

— Хотѣ усеи не придумаю съ чего начинать! Развѣ вотъ такъ: „Въ на-

стоящее время, когда „... нѣтъ, это не годится, избитое мѣсто. Когда вся Россія взрываетъ съ сокрушеніемъ на попытку свѣдущихъ людей сокрушить бабки, мнѣ...“ Нѣтъ, тоже не годится, сокрушеніе, сокрушить, да и отзывается передовою статью, для фельетона совсѣмъ не идетъ. „Жилъ себѣ дѣдъ да баба, два было умышъ...“ Оляте не то!.. Туда къ чорту, какая чепуха лѣзетъ въ голову! Эдакое гнусное положеніе! Эдакая неадекватность! Не могъ упрямить цензора, чтобы позволить напечатать фельетонъ съ оговоркою, что моль сегодняшній фельетонъ печатается по обстоятельствамъ, какъ отъ цензуры, такъ и отъ редакціи независимыхъ. Стыбка показывала десять минутъ восьмого. Колебаться было некогда. Слово было дано, нужно было его исполнить, нужно было быть мужественнымъ и сдѣлать усилие. Перо забѣгло по бумагѣ.

II.

Ниженодписавшійся писалъ съ большимъ жаромъ. Изъ вѣрныхъ источниковъ сдѣлалось въ послѣдствіи извѣстнымъ, что онъ началъ свои фельетонныя дѣйствія слѣдующимъ образомъ: прежде чѣмъ написать заглавіе, онъ написалъ вѣсто энтрафа какіе то Некрасовскіе стихи. Затѣмъ началъ языкомъ ветхаго завіта: Въ началѣ, писалъ онъ, былъ хаосъ и духъ Божій носился надъ бездною. Было очень скучно, такъ какъ никто не зналъ, что дѣлается на блѣломъ свѣтѣ; не было ни газетъ, ни журналовъ, ни репортеровъ, ни корреспондентовъ, ни газетныхъ утокъ, ни заботы о неотесанномъ меньшинствѣ, котораго необходимо нужно воспитать, образовать и выучить хоронимъ мамерамъ. Науки не существовали, литературы тоже не было. Не смотря на такое неормальное положеніе дѣлъ, земля продолжала все таки вращаться вокругъ солнца и вокругъ своей оси, но

свѣдѣнія объ этомъ процессѣ не могли проникнуть въ сознание массы. Затѣмъ разсказывалось дальше, что съ теченіемъ вѣковъ туманъ надъ хаосомъ мало по малу разсѣялся, вслѣдствіе чего ясно обозначились различныя направления и появились различныя органы и когда, послѣ упорной работы нѣсколькихъ поколѣній, поля журналистики были въ достаточной степени занаволены, то взоры наблюдателей увидели передъ собою роскошную „Ниву“, которая обѣщала хорошую премію. Послѣ „Нивы“ наступило, продолжалъ авторъ, время „Жатвы“. Здѣсь авторъ распространился о томъ, что, вопервыхъ нельзя жать того, чего не посѣяли и въ подтвержденіе этой мысли ссылались на многія классическія сочиненія, а вовторыхъ, доказывалось, что вообще жатва бываетъ неудачна, благодаря отсутствію или недостатку рабочихъ рукъ, вслѣдствіе чего „Жатва“ нѣрѣдко оказывается. Заговоривъ о „Жатвѣ“, случайный фельетонистъ увидѣлъ необходимость заговорить о „Журналѣ общества сельскаго хозяйства южной Россіи“, и доказавъ съ наглядною очевидностью, что журналъ этотъ благодаря грубому и невѣжественному обращенію съ нимъ новаго редактора, надворнаго совѣтника Гумилевскаго, получилъ захотку, высохъ, какъ щепка, и перелопаченъ не сельско-хозяйственными статьями, а како-то скверною мокротой, негодною даже на удобрѣніе. Покончивъ съ г. Гумилевскимъ, авторъ вернулся къ нити своихъ разсужденій, выразилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что послѣ „Жатвы“ не было ни „Возки“, ни „Молоты“, ни „Вѣи“, ни „Оранки“, ни „Пахоты“, ни „Бороны“, а были одни лишь „Извлеченія изъ протоколовъ кобеляскаго сельско-хозяйственнаго общества“, на полнотнныя, главнымъ образомъ, рѣчами г. президента онаго общества, поставшаго ребромъ вопросъ „претитъ или

не претитъ“? Затѣмъ, кстати, авторъ замѣтилъ, что какъ ни хороши эти извлеченія и какъ ни полны содержанія рѣчи президента, но, къ сожалѣнію по мнѣнію его, автора, онѣ не могутъ замѣнить собою необходимыхъ сельскохозяйственныхъ работъ, являются чѣмъ то въ родѣ сухого пластыря, потерявшаго силу и немогущаго произвести никакого дѣйствія. Здѣсь авторъ выражалъ опасеніе, что начинающіеся „Посѣвы“ будутъ производиться на не подготовленной почвѣ и отказался отвѣтить, какъ будутъ производиться посѣвы: по стерну наволокомъ, подъ соху, подъ борону, разбросною или рядовою сѣянкою. Точно также благодарно умолялъ о томъ, что предполагается высѣвать, говоря, что все это вопросы будущаго, что теперь этого опредѣлить невозможно, что теперь только, такъ сказать, начинается притча. „Вышелъ сѣять сѣять“, а что и какъ будетъ сѣять — покрото еще завѣсно тайны. Съ сокрушеніемъ авторъ выражалъ опасеніе, что поздніе посѣвы обыкновенно не надежны, но добавлялъ, что подобный взглядъ является остаткомъ прошлыхъ вѣковъ и можетъ быть названъ предразсудкомъ и рутинною. Здѣсь въ подтвержденіе своихъ словъ онъ ссылался на русскую пословицу: „Богъ не выдѣстъ, свинья не съѣстъ“.

Все это было написано однимъ духомъ. Поставивши точку, авторъ сначала откинулся на спинку кресла, закурилъ папиросу, потомъ прочиталъ все написанное, прочитавши, онъ съ отчаяніемъ опять откинулся на спинку кресла и прошепталъ: „Господи! да что жъ это я такое нагородилъ?..“ Совсѣмъ не фельетонъ, а учное сочиненіе! На лицѣ его выразилось страданіе. Мысли приняла другой оборотъ. Ему представилось, какъ читатели, получивши завтра номеръ газеты, прочитаютъ его твореніе и, покачивая го-

г. Мельникова, принадлежать к числу „истинно вбродованных“. Вот что молokane говорил г. Костомаров о своих политических убеждениях: „Мы не отвергаем власти, а считаем, что ей сдѣлать повинность, исполняя изрѣченіе св. писанія, повелѣвающаго устами апостола Павла покоряться властямъ придержащимъ. Какъ же мы можемъ дойти до такого безумія, когда передъ нашими глазами прямая заподѣль апостольская? Молokane, по словамъ г. Костомарова, считают возстаніе противъ всякой власти, хотя бы даже и не справедливой, дѣломъ несправедливымъ. „Если же они не приносятъ молитвы за царя въ общественныхъ богослуженіяхъ, говоритъ г. Мельниковъ, то исключительно потому, что обрядовая сторона ихъ богослужения упрощена до того, что они ограничиваются употребленіемъ молитвы Господней и не многихъ другихъ молитвъ. Уклоненіе отъ присяги объясняется не въ смыслѣ непризнанія или власти, а несогласіемъ ихъ съ формулою присяги, которая требуетъ клятвы Всемогущимъ Богомъ“. Все сказанное о молokane можетъ быть отнесено къ духоворцамъ и штундистамъ, по трудолюбію и нравственности представляющимъ самое оградное явленіе, но, не смотря на то, состоящимъ на правахъ людей „опасныхъ“ для имперіи. Даже въ тѣхъ сектахъ, которыя исповѣдуютъ, что теперь „въ мірѣ“ господствуетъ антихристъ (т. е. ересь) и что власти поклоняются ему, — даже и въ этихъ сектахъ напрасно было бы искать противобогослуженія начала. Оедосевицы, напр., смотрятъ на православныхъ такъ же, какъ евреи и магометане, какъ на гоевъ и гиуровъ, какъ на неверныхъ, но отсюда не вытекаютъ отрицанія царской власти. При Павлѣ Петровичѣ едосевицы молились за государя на Преображенскомъ кладбищѣ, а при Александрѣ I представители ихъ Ковылины даже ходатайствовали о томъ, чтобъ кладбище это было названо „Александровскимъ“.

Съ политической точки зрѣнія, всѣ толки раскольничьи совершенно безопасны. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Ко вреднымъ сектантамъ можно причислить только скопцовъ и хлыстовъ, всѣмъ остальнымъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія отказать въ полной вѣрности и равноправности съ православными. Духовенство наше черезъ это ничего не потеряетъ, а, напротивъ, много выиграетъ: поставленное въ необходимость бороться съ расколомъ собственными средствами, не разсчитывая на полицейскую поддержку, — оно возвысится и въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи, и достигнетъ того, чего правительство не могло добиться круглыми мѣрами, — искорененія учений, вызванныхъ старыми государственными и церковными порядками, а поддержавшими гонениями, всегда раздурившими, а не тупившими изувѣрство, и глубокимъ невѣжествомъ народа, липовнаго „пастырей“, которые соотвѣтствовали бы своему высокому назначенію.

Мы только что получили послѣдній 5-й № „Русской Рѣчи“. „Всѣдствие мой полной неустойчивости“, объявляетъ г. Навроцкий, „журналъ этотъ больше выходитъ не будетъ“. Изъ подробнаго отчета о финансово-торговой публичной, который опубликованъ редакціей, видно, что оно дало болѣе 36,000 рублей убытка и что число подписчиковъ къ апрѣлю текущаго года лишь немногимъ превышало 2,000. Г. Навроцкий давно уже предвидѣлъ крахъ и еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ велъ переговоры о продажѣ журнала съ А. И. Васильчиковымъ, но „ужасное событіе 1-го марта такъ потрясло и безъ того слабое здоровье покойнаго князя, что онъ отказался отъ всякаго участія въ какомъ-либо литературномъ предпріятіи“, г. Навроцкому пришлось продолжать на свой страхъ явное убыточное дѣло. Неусыхъ „Русской Рѣчи“ объясняется тѣмъ, что она явилась на свѣтъ Божій безъ ясно очерченной программы, а главное безъ талантливыхъ сотрудниковъ. Публицитическій и критическій отдѣлы держались на г. Е. Марковѣ, давно уже набившемъ оскомину публикѣ своими трескучими и бесодержательными статьями. О романстахъ и говоритъ нечего: г. Навроцкий платилъ имъ по 150 и 250 рублей отъ печатнаго листа, по справедливости же произведенія г. Шардина, г-жи Львовой и т. п. „художничковъ“ можно покупать и продавать не иначе, какъ „на вѣсъ“. По части беллетристики, если не считать „Литературнаго вечера“ г. Гончарова, „Русская Рѣчь“ ничего не дала. Изъ научныхъ изслѣдованій въ ней тоже замѣчательнаго ничего не было. Внутреннее обозрѣніе, которое велъ самъ редакторъ, выходило обыкновенно лучше другихъ отдѣловъ.

Подписчики „Русской Рѣчи“ получаютъ, кромѣ высланныхъ имъ 5 копѣекъ, журналъ „Наблюдатель“ за весь настоящій годъ.

„Новое Время“, по официальнымъ источникамъ, сообщаетъ статистическія данныя относительно письменной дѣятельности полиціи. Въ каждой губерніи она получаетъ и посылаетъ 600,000 бумагъ въ годъ. Среднимъ числомъ на каждого полицейскаго чиновника приходится 10,000 бумагъ. Всего интереснѣе, что изъ всей этой, уступающей по своимъ размѣрамъ, литературы всего 1/10 приходится на дѣла полицейскаго свойства.

Въ „Гусляхъ“ напечатана слѣдующая эпиграмма на г. Суворина:

Ничка намъ истин не скажетъ,
Намъ нововременный пророкъ:
То вѣрутъ на западъ намъ покажетъ,
То повернется на востокъ...
Но намъ особа та пошла
И спереди, и съ тыла...

Въ „Гусляхъ“ бросаетъ какой-то „Гейне изъ Харькова“. Стихи его такъ хороши, что мы рекомендуемъ ему переименовать себя въ „Тредьяковскаго изъ Харькова“.

МѢСТНАЯ ХРОНИКА.

Городская дума. Въ засѣданіи 7-го мая сѣда собралось „законное число“

тѣхъ, кто писалъ статьи и кто подавалъ объясненія. Для чего это ему нужно — кто его знаетъ? Можетъ быть, руководствуясь правиломъ, гласнымъ, что quod licet Jovi, non licet bovi, — онъ будетъ зачеркивать статьи, написанныя авторами, имѣющими чинъ не выше титулярнаго совѣтника и неимѣющими твердаго положенія въ обществѣ и будетъ пропускать тѣ же самыя статьи, но подписанныя надворными или статскими совѣтниками, имѣющими известныя вѣсы и значеніе. Можетъ, онъ будетъ дѣлать классификацію статей на основаніи возраста авторовъ, и зачеркиваетъ все, что написано людьми, имѣющими менѣе шестидесяти-пяти лѣтъ отъ роду, а потому завѣдомо неблагонадежными; можетъ быть, онъ хочетъ въ видъ податія достоянства печати призывать авторовъ, незаслужившихъ его одобренія, по субботамъ къ себѣ на квартиру, и говоря словами Щедрина, „наказывать ихъ жезломъ и отпустить съ честию“. Можетъ быть, онъ задается библиографическою цѣлью и желаетъ составить полный списокъ лицъ, сочиняющихъ статьи не цензурнаго содержания? А можетъ быть и такъ, что это человекъ справедливый, но получившій нѣмекое воспитаніе и желающій лишь завести порядокъ и единообразіе: одну недѣлю будетъ пропускать только тѣ статьи, которыя написаны бронедами, на слѣдующей недѣлѣ только статьи, написанныя блондинами, потомъ опять бронедами, потомъ опять блондинами, потомъ опять бронедами и такъ далѣе...

Кто его знаетъ? Вѣдь у всякаго барона свои фантазіи.

Задумавшись объ этихъ предметахъ, авторъ почувствовалъ себя обязаннымъ удовлетворить любопытству публики. Онъ провѣрилъ подъ написаннымъ толстую черту и сталъ писать далѣе: „Авторъ настоящаго фельетона псевдонимъ; подпись его не подлинная, но всекая, учитываемая въ обществѣ взаимнаго кредита, онъ не подписывается

такимъ образомъ, тѣмъ не менѣе онъ уроженецъ харьковской губерніи, ему 42 года, принадлежитъ къ дворянскому сословію, имѣетъ движимое и недвижимое, заложенное и незаложенное, ибо ни чѣмъ не желаетъ отличаться отъ остальныхъ членовъ того сословія, въ которомъ считаетъ за честь принадлежать по рожденію и воспитанію. Волосомъ имъ русъ, носитъ бороду и усы, не употребляетъ при этомъ брилліантіана, росту 2 аршина и 6 вершковъ. Что касается нравственной стороны, то, говоря по совѣсти, авторъ не можетъ сказать про себя ничего дурного: въ интеллигентствѣ никогда не служилъ, сукерей во время войны не пекъ, въ дѣламъ о разграбленіи земскихъ и банковыхъ кассъ бытъ прилежатель, лишь въ качествѣ потерпѣлаго. Тайному совѣтнику Буну не подражалъ. Единственный укоръ, котораго онъ, по его мнѣнію, заслуживаетъ, можетъ быть ему сдѣланъ за то, что онъ участвовалъ въ тайномъ обществѣ, образовавшемся въ городѣ Харьковѣ и поставившемъ своею конечною цѣлью не давать ходу г. Бонне. Средствами для достиженія этой цѣли должна была служить замѣна одного изъ параграфовъ проекта контратъ харьковской думы съ г. Бонне параграфомъ, редакція котораго была выработана членами этого тайнаго общества на тайной сходкѣ, состоявшейся въ полночь въ Карповскомъ саду, около Богомоловскаго завода, на которой присутствовали всѣ главнѣйшіе дѣятели партіи. Вотъ редакция предполагаемаго измѣненія: „Каждый обыватель города Харькова, улитавшій одинъ разъ за проѣздъ по харьковской конной желѣзной дорогѣ предпринимателю, г. Бонне, три копейки мѣдною, серебряною или золотою монетою, или же рублевыми кредитными билетами, по курсовой стоимости, имѣетъ право ѣздить затѣмъ по оной дорогѣ всю свою жизнь. Но, тѣмъ не менѣе, можетъ передать это право

лишь прямымъ наследникамъ по нисходящей линіи до седьмого колѣна. Харчиться въ это время, какъ онъ, такъ и потомки его, обязаны на свой собственный счетъ, за что съ г. Бонне неустойки не взыскивать“.

Это предложеніе чуть-чуть не пропало въ харьковской думѣ, но, затѣмъ, какимъ-то образомъ потерпѣло крушеніе. По тому случаю, какъ пишутъ газеты, подано „особое мнѣніе“, которое, по слухамъ, вноситъ поправку: въ этой поправкѣ и предлагаются обязанности Бонне и его наследниковъ харчить на свой счетъ за ту же цѣну постоянныхъ пассажировъ, сдѣлавшихъ единовременный трех-копечный взносъ“.

Написавши это, авторъ опять закурилъ папироску и возвратился къ предмету рѣчи. Съ полною откровенностью онъ объяснилъ, что получилъ воспитаніе классическое, что три брата славныя восемь лѣтъ сряду надучали его классическимъ древнимъ духомъ, подобно тому, какъ старательные мастеры надучаютъ для продажи телатину, для того, чтобы она казалась товаромъ. При этомъ онъ цитировалъ нѣсколько греческихъ и латинскихъ изрѣченій и сказалъ, что если многіе знаменитые авторы и называютъ человека „царемъ природы“, то это названіе можетъ лишь относиться къ людямъ, получившимъ полное классическое образованіе и удостоеннымъ аттестата зрѣлости. Остальное человечество этому названію подлѣжать не можетъ, въ чомъ предлагалъ убѣдиться каждому изъ читателей прямымъ и удобнымъ опытомъ, произведеннымъ по методу, упрощенному до изыщества. „Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, — писалъ онъ, — стоить только въ какомъ-либо большомъ городѣ, напр., въ Харьковѣ, стать на людномъ мѣстѣ, хотъ на нижней ступенькѣ Университетской горки, и предлагать въ теченіе часа, двухъ или трехъ, всѣмъ проходящимъ безъ ис-

ключенія, слѣдующіе вопросы: „Прокляжі! Сознаешь ли ты положеніе, занимаемое тобою въ цѣпи органическихъ существъ, населяющихъ нашу планету? Чувствуешь ли ты себя царемъ окружающей тебя природы? Какое получили ты образованіе? Имѣешь ли ты аттестатъ зрѣлости? Отвѣты проходящихъ, по словамъ автора, непременно должны подтвердить его выводъ, въ чомъ онъ убѣдился лично многократными опытами, произведенными имъ въ многихъ большихъ городахъ, какъ, напр., въ Харьковѣ, Золотоношѣ, Пиратинѣ, Золочевѣ, Волчанскѣ, Кулишкѣ, Богодуховѣ и другихъ. При этомъ авторъ откровенно заявлялъ объ существующемъ исключеніи изъ установленнаго имъ закона. Онъ говорилъ, что люди, принадлежащіе къ сословію, такъ называемыхъ, бывшихъ дворянскихъ людей, а также поселянъ крестьянскаго происхожденія, представляютъ странную аномалію: всѣ безъ исключенія отвѣчали: „Очень чувствую, ваше благородіе, много вашей милости!!!! Усы — украшеніе мужчинъ!... Безъ усовъ нѣтъ любви!... Безъ усовъ нѣтъ поцѣлуя!...“ И вся эта чепуха была подписана не псевдонимомъ, а его собственнымъ именемъ. Да, господа! тамъ было напечатано: „Безъ усовъ нѣтъ поцѣлуя!...“ Давно Мискоберт!...

явился одинъ изъ поселянскихъ редакцій. — Ради Христа, дайте скорѣй все, что написано! Наборщики ждуть, номеръ не посѣтѣ на почту! — Еще не кончено, — проговорилъ сконфуженно авторъ. — Все равно, напишутъ „Продолженіе будетъ...“ Это? Съ этими словами онъ схватилъ всѣ исписанные листы и исчезъ за дверью.

III.

Никому не интересно, я думаю, что дѣлать и что думать авторъ до слѣдующаго утра. Никому не интересно, полагаю, какія чувства волновали этого серьезнаго человека.

Для того лишь, чтобы не раздражать любопытства благосклонныхъ читателей, добавлю, что когда на слѣдующій день, въ 8 часовъ утра, ему подали воскресный номеръ газеты, онъ съ нетерпѣніемъ разорвалъ обложку и развернулъ свѣжій еще, пропитанный запахомъ типографіи листъ, отыскивая глазами свое произведеніе. Взорамъ его представилась слѣдующая картина: на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно начинается фельетонъ, стояло напечатанное жирнымъ прифронтъ: „По причинамъ, отъ редакціи независимыхъ, нынѣшній номеръ выходитъ безъ воскреснаго фельетона“. Затѣмъ, ниже этой фразы онъ увидѣлъ какія-то чорномысля рожи, какіе-то усы, закрученные то завитками, то колечками, то шпильками и, оправившись послѣ перваго изумленія, прочиталъ: „Нѣтъ болѣе слѣдхъ волости!!!! Усы — украшеніе мужчинъ!... Безъ усовъ нѣтъ любви!... Безъ усовъ нѣтъ поцѣлуя!...“ И вся эта чепуха была подписана не псевдонимомъ, а его собственнымъ именемъ. Да, господа! тамъ было напечатано: „Безъ усовъ нѣтъ поцѣлуя!...“ Давно Мискоберт!...

тѣхъ, кто писалъ статьи и кто подавалъ объясненія. Для чего это ему нужно — кто его знаетъ? Можетъ быть, руководствуясь правиломъ, гласнымъ, что quod licet Jovi, non licet bovi, — онъ будетъ зачеркивать статьи, написанныя авторами, имѣющими чинъ не выше титулярнаго совѣтника и неимѣющими твердаго положенія въ обществѣ и будетъ пропускать тѣ же самыя статьи, но подписанныя надворными или статскими совѣтниками, имѣющими известныя вѣсы и значеніе. Можетъ, онъ будетъ дѣлать классификацію статей на основаніи возраста авторовъ, и зачеркиваетъ все, что написано людьми, имѣющими менѣе шестидесяти-пяти лѣтъ отъ роду, а потому завѣдомо неблагонадежными; можетъ быть, онъ хочетъ въ видъ податія достоянства печати призывать авторовъ, незаслужившихъ его одобренія, по субботамъ къ себѣ на квартиру, и говоря словами Щедрина, „наказывать ихъ жезломъ и отпустить съ честию“. Можетъ быть, онъ задается библиографическою цѣлью и желаетъ составить полный списокъ лицъ, сочиняющихъ статьи не цензурнаго содержания? А можетъ быть и такъ, что это человекъ справедливый, но получившій нѣмекое воспитаніе и желающій лишь завести порядокъ и единообразіе: одну недѣлю будетъ пропускать только тѣ статьи, которыя написаны бронедами, на слѣдующей недѣлѣ только статьи, написанныя блондинами, потомъ опять бронедами, потомъ опять блондинами, потомъ опять бронедами и такъ далѣе...

Кто его знаетъ? Вѣдь у всякаго барона свои фантазіи.

Задумавшись объ этихъ предметахъ, авторъ почувствовалъ себя обязаннымъ удовлетворить любопытству публики. Онъ провѣрилъ подъ написаннымъ толстую черту и сталъ писать далѣе: „Авторъ настоящаго фельетона псевдонимъ; подпись его не подлинная, но всекая, учитываемая въ обществѣ взаимнаго кредита, онъ не подписывается

лишь прямымъ наследникамъ по нисходящей линіи до седьмого колѣна. Харчиться въ это время, какъ онъ, такъ и потомки его, обязаны на свой собственный счетъ, за что съ г. Бонне неустойки не взыскивать“.

Это предложеніе чуть-чуть не пропало въ харьковской думѣ, но, затѣмъ, какимъ-то образомъ потерпѣло крушеніе. По тому случаю, какъ пишутъ газеты, подано „особое мнѣніе“, которое, по слухамъ, вноситъ поправку: въ этой поправкѣ и предлагаются обязанности Бонне и его наследниковъ харчить на свой счетъ за ту же цѣну постоянныхъ пассажировъ, сдѣлавшихъ единовременный трех-копечный взносъ“.

Написавши это, авторъ опять закурилъ папироску и возвратился къ предмету рѣчи. Съ полною откровенностью онъ объяснилъ, что получилъ воспитаніе классическое, что три брата славныя восемь лѣтъ сряду надучали его классическимъ древнимъ духомъ, подобно тому, какъ старательные мастеры надучаютъ для продажи телатину, для того, чтобы она казалась товаромъ. При этомъ онъ цитировалъ нѣсколько греческихъ и латинскихъ изрѣченій и сказалъ, что если многіе знаменитые авторы и называютъ человека „царемъ природы“, то это названіе можетъ лишь относиться къ людямъ, получившимъ полное классическое образованіе и удостоеннымъ аттестата зрѣлости. Остальное человечество этому названію подлѣжать не можетъ, въ чомъ предлагалъ убѣдиться каждому изъ читателей прямымъ и удобнымъ опытомъ, произведеннымъ по методу, упрощенному до изыщества. „Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, — писалъ онъ, — стоить только въ какомъ-либо большомъ городѣ, напр., въ Харьковѣ, стать на людномъ мѣстѣ, хотъ на нижней ступенькѣ Университетской горки, и предлагать въ теченіе часа, двухъ или трехъ, всѣмъ проходящимъ безъ ис-

тѣхъ, кто писалъ статьи и кто подавалъ объясненія. Для чего это ему нужно — кто его знаетъ? Можетъ быть, руководствуясь правиломъ, гласнымъ, что quod licet Jovi, non licet bovi, — онъ будетъ зачеркивать статьи, написанныя авторами, имѣющими чинъ не выше титулярнаго совѣтника и неимѣющими твердаго положенія въ обществѣ и будетъ пропускать тѣ же самыя статьи, но подписанныя надворными или статскими совѣтниками, имѣющими известныя вѣсы и значеніе. Можетъ, онъ будетъ дѣлать классификацію статей на основаніи возраста авторовъ, и зачеркиваетъ все, что написано людьми, имѣющими менѣе шестидесяти-пяти лѣтъ отъ роду, а потому завѣдомо неблагонадежными; можетъ быть, онъ хочетъ въ видъ податія достоянства печати призывать авторовъ, незаслужившихъ его одобренія, по субботамъ къ себѣ на квартиру, и говоря словами Щедрина, „наказывать ихъ жезломъ и отпустить съ честию“. Можетъ быть, онъ задается библиографическою цѣлью и желаетъ составить полный списокъ лицъ, сочиняющихъ статьи не цензурнаго содержания? А можетъ быть и такъ, что это человекъ справедливый, но получившій нѣмекое воспитаніе и желающій лишь завести порядокъ и единообразіе: одну недѣлю будетъ пропускать только тѣ статьи, которыя написаны бронедами, на слѣдующей недѣлѣ только статьи, написанныя блондинами, потомъ опять бронедами, потомъ опять блондинами, потомъ опять бронедами и такъ далѣе...

Кто его знаетъ? Вѣдь у всякаго барона свои фантазіи.

Задумавшись объ этихъ предметахъ, авторъ почувствовалъ себя обязаннымъ удовлетворить любопытству публики. Онъ провѣрилъ подъ написаннымъ толстую черту и сталъ писать далѣе: „Авторъ настоящаго фельетона псевдонимъ; подпись его не подлинная, но всекая, учитываемая въ обществѣ взаимнаго кредита, онъ не подписывается

лишь прямымъ наследникамъ по нисходящей линіи до седьмого колѣна. Харчиться въ это время, какъ онъ, такъ и потомки его, обязаны на свой собственный счетъ, за что съ г. Бонне неустойки не взыскивать“.

Это предложеніе чуть-чуть не пропало въ харьковской думѣ, но, затѣмъ, какимъ-то образомъ потерпѣло крушеніе. По тому случаю, какъ пишутъ газеты, подано „особое мнѣніе“, которое, по слухамъ, вноситъ поправку: въ этой поправкѣ и предлагаются обязанности Бонне и его наследниковъ харчить на свой счетъ за ту же цѣну постоянныхъ пассажировъ, сдѣлавшихъ единовременный трех-копечный взносъ“.

Написавши это, авторъ опять закурилъ папироску и возвратился къ предмету рѣчи. Съ полною откровенностью онъ объяснилъ, что получилъ воспитаніе классическое, что три брата славныя восемь лѣтъ сряду надучали его классическимъ древнимъ духомъ, подобно тому, какъ старательные мастеры надучаютъ для продажи телатину, для того, чтобы она казалась товаромъ. При этомъ онъ цитировалъ нѣсколько греческихъ и латинскихъ изрѣченій и сказалъ, что если многіе знаменитые авторы и называютъ человека „царемъ природы“, то это названіе можетъ лишь относиться къ людямъ, получившимъ полное классическое образованіе и удостоеннымъ аттестата зрѣлости. Остальное человечество этому названію подлѣжать не можетъ, въ чомъ предлагалъ убѣдиться каждому изъ читателей прямымъ и удобнымъ опытомъ, произведеннымъ по методу, упрощенному до изыщества. „Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, — писалъ онъ, — стоить только въ какомъ-либо большомъ городѣ, напр., въ Харьковѣ, стать на людномъ мѣстѣ, хотъ на нижней ступенькѣ Университетской горки, и предлагать въ теченіе часа, двухъ или трехъ, всѣмъ проходящимъ безъ ис-

тѣхъ, кто писалъ статьи и кто подавалъ объясненія. Для чего это ему нужно — кто его знаетъ? Можетъ быть, руководствуясь правиломъ, гласнымъ, что quod licet Jovi, non licet bovi, — онъ будетъ зачеркивать статьи, написанныя авторами, имѣющими чинъ не выше титулярнаго совѣтника и неимѣющими твердаго положенія въ обществѣ и будетъ пропускать тѣ же самыя статьи, но подписанныя надворными или статскими совѣтниками, имѣющими известныя вѣсы и значеніе. Можетъ, онъ будетъ дѣлать классификацію статей на основаніи возраста авторовъ, и зачеркиваетъ все, что написано людьми, имѣющими менѣе шестидесяти-пяти лѣтъ отъ роду, а потому завѣдомо неблагонадежными; можетъ быть, онъ хочетъ въ видъ податія достоянства печати призывать авторовъ, незаслужившихъ его одобренія, по субботамъ къ себѣ на квартиру, и говоря словами Щедрина, „наказывать ихъ жезломъ и отпустить съ честию“. Можетъ быть, онъ задается библиографическою цѣлью и желаетъ составить полный списокъ лицъ, сочиняющихъ статьи не цензурнаго содержания? А можетъ быть и такъ, что это человекъ справедливый, но получившій нѣмекое воспитаніе и желающій лишь завести порядокъ и единообразіе: одну недѣлю будетъ пропускать только тѣ статьи, которыя написаны бронедами, на слѣдующей недѣлѣ только статьи, написанныя блондинами, потомъ опять бронедами, потомъ опять блондинами, потомъ опять бронедами и такъ далѣе...

Кто его знаетъ? Вѣдь у всякаго барона свои фантазіи.

Задумавшись объ этихъ предметахъ, авторъ почувствовалъ себя обязаннымъ удовлетворить любопытству публики. Онъ провѣрилъ подъ написаннымъ толстую черту и сталъ писать далѣе: „Авторъ настоящаго фельетона псевдонимъ; подпись его не подлинная, но всекая, учитываемая въ обществѣ взаимнаго кредита, онъ не подписывается

лишь прямымъ наследникамъ по нисходящей линіи до седьмого колѣна. Харчиться въ это время, какъ онъ, такъ и потомки его, обязаны на свой собственный счетъ, за что съ г. Бонне неустойки не взыскивать“.

Это предложеніе чуть-чуть не пропало въ харьковской думѣ, но, затѣмъ, какимъ-то образомъ потерпѣло крушеніе. По тому случаю, какъ пишутъ газеты, подано „особое мнѣніе“, которое, по слухамъ, вноситъ поправку: въ этой поправкѣ и предлагаются обязанности Бонне и его наследниковъ харчить на свой счетъ за ту же цѣну постоянныхъ пассажировъ, сдѣлавшихъ единовременный трех-копечный взносъ“.

Написавши это, авторъ опять закурилъ папироску и возвратился къ предмету рѣчи. Съ полною откровенностью онъ объяснилъ, что получилъ воспитаніе классическое, что три брата славныя восемь лѣтъ сряду надучали его классическимъ древнимъ духомъ, подобно тому, какъ старательные мастеры надучаютъ для продажи телатину, для того, чтобы она казалась товаромъ. При этомъ онъ цитировалъ нѣсколько греческихъ и латинскихъ изрѣченій и сказалъ, что если многіе знаменитые авторы и называютъ человека „царемъ природы“, то это названіе можетъ лишь относиться къ людямъ, получившимъ полное классическое образованіе и удостоеннымъ аттестата зрѣлости. Остальное человечество этому названію подлѣжать не можетъ, въ чомъ предлагалъ убѣдиться каждому изъ читателей прямымъ и удобнымъ опытомъ, произведеннымъ по методу, упрощенному до изыщества. „Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, — писалъ онъ, — стоить только въ какомъ-либо большомъ городѣ, напр., въ Харьковѣ, стать на людномъ мѣстѣ, хотъ на нижней ступенькѣ Университетской горки, и предлагать въ теченіе часа, двухъ или трехъ, всѣмъ проходящимъ безъ ис-

тѣхъ, кто писалъ статьи и кто подавалъ объясненія. Для чего это ему нужно — кто его знаетъ? Можетъ быть, руководствуясь правиломъ, гласнымъ, что quod licet Jovi, non licet bovi, — онъ будетъ зачеркивать статьи, написанныя авторами, имѣющими чинъ не выше титулярнаго совѣтника и неимѣющими твердаго положенія въ обществѣ и будетъ пропускать тѣ же самыя статьи, но подписанныя надворными или статскими совѣтниками, имѣющими известныя вѣсы и значеніе. Можетъ, онъ будетъ дѣлать классификацію статей на основаніи возраста авторовъ, и зачеркиваетъ все, что написано людьми, имѣющими менѣе шестидесяти-пяти лѣтъ отъ роду, а потому завѣдомо неблагонадежными; можетъ быть, онъ хочетъ въ видъ податія достоянства печати призывать авторовъ, незаслужившихъ его одобренія, по субботамъ къ себѣ на квартиру, и говоря словами Щедрина, „наказывать ихъ жезломъ и отпустить съ честию“. Можетъ быть, онъ задается библиографическою цѣлью и желаетъ составить полный списокъ лицъ, сочиняющихъ статьи не цензурнаго содержания? А можетъ быть и такъ, что это человекъ справедливый, но получившій нѣмекое воспитаніе и желающій лишь завести порядокъ и единообразіе: одну недѣлю будетъ пропускать только тѣ статьи, которыя написаны бронедами, на слѣдующей недѣлѣ только статьи, написанныя блондинами, потомъ опять бронедами, потомъ опять блондинами, потомъ опять бронедами и такъ далѣе...

Кто его знаетъ? Вѣдь у всякаго барона свои фантазіи.

Задумавшись объ этихъ предметахъ, авторъ почувствовалъ себя обязаннымъ удовлетворить любопытству публики. Онъ провѣрилъ подъ написаннымъ толстую черту и сталъ писать далѣе: „Авторъ настоящаго фельетона псевдонимъ; подпись его не подлинная, но всекая, учитываемая въ обществѣ взаимнаго кредита, онъ не подписывается

лишь прямымъ наследникамъ по нисходящей линіи до седьмого колѣна. Харчиться въ это время, какъ онъ, такъ и потомки его, обязаны на свой собственный счетъ, за что съ г. Бонне неустойки не взыскивать“.

Это предложеніе чуть-чуть не пропало въ харьковской думѣ, но, затѣмъ, какимъ-то образомъ потерпѣло крушеніе. По тому случаю, какъ пишутъ газеты, подано „особое мнѣніе“, которое, по слухамъ, вноситъ поправку: въ этой поправкѣ и предлагаются обязанности Бонне и его наследниковъ харчить на свой счетъ за ту же цѣну постоянныхъ пассажировъ, сдѣлавшихъ единовременный трех-копечный взносъ“.

Написавши это, авторъ опять закурилъ папироску и возвратился къ предмету рѣчи. Съ полною откровенностью онъ объяснилъ, что получилъ воспитаніе классическое, что три брата славныя восемь лѣтъ сряду надучали его классическимъ древнимъ духомъ, подобно тому, какъ старательные мастеры надучаютъ для продажи телатину, для того, чтобы она казалась товаромъ. При этомъ онъ цитировалъ нѣсколько греческихъ и латинскихъ изрѣченій и сказалъ, что если многіе знаменитые авторы и называютъ человека „царемъ природы“, то это названіе можетъ лишь относиться къ людямъ, получившимъ полное классическое образованіе и удостоеннымъ аттестата зрѣлости. Остальное человечество этому названію подлѣжать не можетъ, въ чомъ предлагалъ убѣдиться каждому изъ читателей прямымъ и удобнымъ опытомъ, произведеннымъ по методу, упрощенному до изыщества. „Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, — писалъ онъ, — стоить только въ какомъ-либо большомъ городѣ, напр., въ Харьковѣ, стать на людномъ мѣстѣ, хотъ на нижней ступенькѣ Университетской горки, и предлагать въ теченіе часа, двухъ или трехъ, всѣмъ проходящимъ безъ ис-

тѣхъ, кто писалъ статьи и кто подавалъ объясненія. Для чего это ему нужно — кто его знаетъ? Можетъ быть, руководствуясь правиломъ, гласнымъ, что quod licet Jovi, non licet bovi, — онъ будетъ зачеркивать статьи, написанныя авторами, имѣющими чинъ не выше титулярнаго совѣтника и неимѣющими твердаго положенія въ обществѣ и будетъ пропускать тѣ же самыя статьи, но подписанныя надворными или статскими совѣтниками, имѣющими известныя вѣсы и значеніе. Можетъ, онъ будетъ дѣлать классификацію статей на основаніи возраста авторовъ, и зачеркиваетъ все, что написано людьми, имѣющими менѣе шестидесяти-пяти лѣтъ отъ роду, а потому завѣдомо неблагонадежными; можетъ быть, онъ хочетъ въ видъ податія достоянства печати призывать авторовъ, незаслужившихъ его одобренія, по субботамъ къ себѣ на квартиру, и говоря словами Щедрина, „наказывать ихъ жезломъ и отпустить съ честию“. Можетъ быть, онъ задается библиографическою цѣлью и желаетъ составить полный списокъ лицъ, сочиняющихъ статьи не цензурнаго содержания? А можетъ быть и такъ, что это человекъ справедливый, но получившій нѣмекое воспитаніе и желающій лишь завести порядокъ и единообразіе: одну недѣлю будетъ пропускать только тѣ статьи, которыя написаны бронедами, на слѣдующей недѣлѣ только статьи, написанныя блондинами, потомъ опять бронедами, потомъ опять блондинами, потомъ опять бронедами и такъ далѣе...

Кто его знаетъ? Вѣдь у всякаго барона свои фантазіи.

Задумавшись объ этихъ предметахъ, авторъ почувствовалъ себя обязаннымъ удовлетворить любопытству публики. Онъ провѣрилъ подъ написаннымъ толстую черту и сталъ писать далѣе: „Авторъ настоящаго фельетона псевдонимъ; подпись его не подлинная, но всекая, учитываемая въ обществѣ взаимнаго кредита, онъ не подписывается

лишь прямымъ наследникамъ по нисходящей линіи до седьмого колѣна. Харчиться въ это время, какъ онъ, такъ и потомки его, обязаны на свой собственный счетъ, за что съ г. Бонне неустойки не взыскивать“.

Это предложеніе чуть-чуть не пропало въ харьковской думѣ, но, затѣмъ, какимъ-то образомъ потерпѣло крушеніе. По тому случаю, какъ пишутъ газеты, подано „особое мнѣніе“, которое, по слухамъ, вноситъ поправку: въ этой поправкѣ и предлагаются обязанности Бонне и его наследниковъ харчить на свой счетъ за ту же цѣну постоянныхъ пассажировъ, сдѣлавшихъ единовременный трех-копечный взносъ“.

Написавши это, авторъ опять закурилъ папироску и возвратился къ предмету рѣчи. Съ полною откровенностью онъ объяснилъ, что получилъ воспитаніе классическое, что три брата славныя восемь лѣтъ сряду надучали его классическимъ древнимъ духомъ, подобно тому, какъ старательные мастеры надучаютъ для продажи телатину, для того, чтобы она казалась товаромъ. При этомъ онъ цитировалъ нѣсколько греческихъ и латинскихъ изрѣченій и сказалъ, что если многіе знаменитые авторы и называютъ человека „царемъ природы“, то это названіе можетъ лишь относиться къ людямъ, получившимъ полное классическое образованіе и удостоеннымъ аттестата зрѣлости. Остальное человечество этому названію подлѣжать не можетъ, въ чомъ предлагалъ убѣдиться каждому изъ читателей прямымъ и удобнымъ опытомъ, произведеннымъ по методу, упрощенному до изыщества. „Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, — писалъ онъ, — стоить только въ какомъ-либо большомъ городѣ, напр., въ Харьковѣ, стать на людномъ мѣстѣ, хотъ на нижней ступенькѣ Университетской горки, и предлагать въ теченіе часа, двухъ или трехъ, всѣмъ проходящимъ безъ ис-

тѣхъ, кто писалъ статьи и кто подавалъ объясненія. Для чего это ему нужно — кто его знаетъ? Можетъ быть, руководствуясь правиломъ, гласнымъ, что quod licet Jovi, non licet bovi, — онъ будетъ зачеркивать статьи, написанныя авторами, имѣющими чинъ не выше титулярнаго совѣтника и неимѣющими твердаго положенія въ обществѣ и будетъ пропускать тѣ же самыя статьи, но подписанныя надворными или статскими совѣтниками, имѣющими известныя вѣсы и значеніе. Можетъ, онъ будетъ дѣлать классификацію статей на основаніи возраста авторовъ, и зачеркиваетъ все, что написано людьми, имѣющими менѣе шестидесяти-пяти лѣтъ отъ роду, а потому завѣдомо неблагонадежными; можетъ быть, онъ хочетъ въ видъ податія достоянства печати призывать авторовъ, незаслужившихъ его одобренія, по субботамъ къ себѣ на квартиру, и говоря словами Щедрина, „наказывать ихъ жезломъ и отпустить съ честию“. Можетъ быть, онъ задается библиографическою цѣлью и желаетъ составить полный списокъ лицъ, сочиняющихъ статьи не цензурнаго содержания? А можетъ быть и такъ, что это человекъ справедливый, но получившій нѣмекое воспитаніе и желающій лишь завести порядокъ и единообразіе: одну недѣлю будетъ пропускать только тѣ статьи, которыя написаны бронедами, на слѣдующей недѣлѣ только статьи, написанныя блондинами, потомъ опять бронедами, потомъ опять блондинами, потомъ опять бронедами и такъ дал

на членовъ уездной управы.

Намъ сообщаютъ изъ достовернаго источника, что желѣзнодорожная коммиссія, подъ предѣлительствомъ графа Баранова, въ проектѣ о введеніи выѣздныхъ учреждений при желѣзныхъ дорогахъ, главнымъ образомъ, находитъ необходимымъ привлечь городскихъ торговыхъ лицъ къ участию и контролю дѣйствій желѣзнодорожной администраціи. Компетенція городскихъ выборныхъ должна простирается на опредѣленный районъ, который они должны обвѣщать. Предметы въ ихъ вѣдомствѣ должны, по мнѣнію высшей коммиссіи, заключаться въ слѣдующемъ: 1) установленіе правилъ объ очередяхъ, наблюденіе за ихъ исполненіемъ и самое распределеніе очереди, когда дорога не обзавалась срочностью доставки; 2) представленіе мнѣній объ устройствѣ частныхъ амбаровъ; 3) наблюденіе за вѣрностью вѣсовъ съ правомъ участія въ ихъ проверкѣ; 4) преемственіе при освидѣтельствованіи тары товаровъ въ случаѣ пререканій и участіе въ экспертизѣ при поврежденіи грузовъ; 5) наблюденіе за продажей вещей съ аукціона; 6) наблюденіе за состояніемъ подъѣздныхъ путей; 7) изслѣдованіе на мѣстѣ причинъ задержекъ и представленіе о томъ инспекторскому комитету; 8) приемъ жалобъ отъ стращивателей и представленіе ихъ со своими заключеніями въ высшій желѣзнодорожный совѣтъ.

Мы слышали, что совѣщаніе свѣдущихъ людей по переселенскому вопросу обращаетъ вниманіе правительства, какъ на одну изъ причинъ переселенія, на недостатокъ рабочаго скота и на его малодоступность. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ распоряженіи совѣщанія, выходитъ, что всѣхъ безлошадныхъ хозяевъ въ нашихъ губерніяхъ среднимъ числомъ отъ 22 до 36%. По мнѣнію одного изъ членовъ коммиссіи, Е. С. Гордбенко, не по численности народонаселенія, но по количеству рабочаго скота можно вѣрнѣе судить о состояніи земледѣльческаго промысла, благосостояніи крестьянства и малоземельности: есть дѣйствительно у насъ крестьяне безземельные или малоземельные, но гораздо болѣе вѣрнѣе или работающихъ силой ойкой или, которая лишь немногочисленнѣе самого крестьянина.

Мы слышали, что съ будущаго года мировымъ судьямъ предложено будетъ нѣтъ у себя секретарей, получившихъ, по крайней мѣрѣ, гимназическое образованіе; необходимость въ установленіи такого порядка мотивируется тѣмъ, что въ настоящее время, секретари мировыхъ судей, часто полуграмотные, внимаютъ, крохоту того, съ приходящими взысканіями, что бросаетъ тѣнь на самое учрежденіе.

На дняхъ, какъ намъ передаютъ изъ достоверныхъ источниковъ, начнутся засѣданія коммиссіи, учрежденной подъ предѣлительствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, изъ представителей разныхъ министерствъ и вѣдомствъ, для всесторонняго обсужденія вопроса о наказаніи за такіе нарушения питейнаго устава, которыя не сопряжены съ интересами казны, какъ-то: за отпускъ виноторговцами вина въ счетъ будущаго урожая, за отпускъ вина малолѣтнимъ и т. п.; причемъ, особенное вниманіе коммиссіи будетъ сосредоточено, между прочимъ, и на вопросѣ о наказаніи за пьянство, какъ проступкѣ, наказуемомъ закономъ.

По свѣдѣніямъ „Моск. Вѣд.“, въ министерствѣ государственныхъ имуществъ приступлено къ разсмотрѣнію предположеній объ упраздненіи всѣхъ существующихъ теперь въ губерніяхъ палатъ государственныхъ имуществъ и учрежденіи взаи́мъ того округовъ съ главными управленіями, такъ чтобы въ одномъ округѣ было соединено по нѣскольку губерній.

Въ свѣдѣніемъ синода разсматривается вопросъ о мѣрахъ къ прекращенію злоупотребленій сборомъ подаяній на монастыри и храмы. Съ этою дѣлю предполагается окончательно воспретить денежные сборы на монастыри и церкви посредствомъ разсылки монаховъ, монахинь и другихъ сборщиковъ въ разные города и села Россіи; сборы же допускать только въ первахъ, по подпискѣ, открываемой при городскихъ и сельскихъ церквахъ, съ надлежащаго разрѣшенія духовныхъ и мѣстныхъ городскихъ властей.

„Новости“ сообщаютъ, что многія вѣства высказались за возложеніе полицейскихъ обязанностей въ уѣздахъ на выборныхъ лицъ.

„Вѣрж. Вѣд.“ сообщаютъ, что всѣ экипажи, приготовленные для предстоящей коронаціи, находятся въ Петербургѣ въ ожиданіи извѣстнаго конюшеннаго вѣдомства. Экипажи эти отличаются большими изяществомъ и роскошью, гнѣдой масти, Ганавера, въ числѣ

159, уведены 1-го мая въ Петергофъ для выѣздки ихъ пугами къ предстоящей коронаціи.

4-го мая около часу пополудни скончался генералъ-губернаторъ Туркестанскаго края инженеръ-генералъ, генералъ-адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ.

К. П. Кауфманъ, сынъ русскаго генерала, по происхожденію изъ голштинскихъ дворянъ, родился 19-го февраля 1818 года, и воспитаніе получилъ въ инженерномъ училищѣ, впоследствии названномъ Николаевскимъ. По окончаніи полнаго курса наукъ Константинъ Петровичъ поступилъ на службу въ 1838 году въ инженерную команду; отсюда въ 1843 году былъ переведенъ на Кавказъ.

Въ слѣдующемъ же году, молодой инженеръ успѣлъ отличиться въ экспедиціи противъ Чечни и Дагестана. Въ 1845 г. Кауфманъ былъ раненъ пулею въ голову, а въ 1849 въ ступню лѣвой ноги. Въ 1853 онъ получилъ золотую саблю съ надписью „за храбрость“. Время восточной войны 1853—1855 года онъ провелъ въ предѣлахъ Турціи, участвуя почти во всѣхъ сраженіяхъ, въ штурмѣ и блокадѣ Карса. Въ 1856 году полковникъ фонъ-Кауфманъ былъ вызванъ въ Петербургъ; его назначили исправляющимъ должность начальника штаба генералъ-инспектора по инженерной части. Въ августѣ онъ былъ произведенъ въ генералъ-майора и зачисленъ членомъ совѣта Императорской военной академіи и конференціи Николаевской инженерной академіи, а въ 1861 г. опредѣленъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства. Въ 1862 г. участвовалъ въ военномъ совѣтѣ. Въ 1865 г. въ званіи генералъ-адъютанта онъ былъ назначенъ виленискимъ, ковскимъ, гродненскимъ и минскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ Вильнѣ генералъ-адъютантъ Кауфманъ пробывъ не долго, и въ 1867 году былъ назначенъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ; съ этого времени снова началось его блестящая боевая дѣятельность. Взятіе Самарканда, бой на зербулакскихъ высотахъ въ 1868 г., походъ въ Хиву, по безводной степи, гдѣ уже ранѣе гибли русскія силы, въ 1873 г., занятіе Кокана въ 1876 г. и послѣдовавшее затѣмъ присоединеніе Ферганской области, все это подвиги, съ которыми навсегда будетъ связано въ исторіи Россіи имя скончавшагося генерала.

Дѣло доктора Буша. Продолжая давать отчетъ изъ залы суда по дѣлу генерала штабъ-доктора Буша, „Новое Время“ говоритъ: Рѣшеніе свѣдѣтельскихъ показаній сводится къ тому же, о чемъ мы писали въ предыдущемъ актѣ, что мѣстами морскихъ медиковъ торговали, брали взятки за повышеніе по службѣ и производствъ, были благосклонны и ласковы къ дающимъ и наводили страхъ и ужасъ на недающихъ. Простые писаря были у г. Буша рычагомъ движенія всего медицинскаго русскаго морскаго міра. Эти писаря орудіе Богдана Ивановича Буша. Они ему работали... Онъ ихъ любилъ за работу, онъ цѣнилъ болѣе всѣхъ другихъ подчиненныхъ, писарямъ онъ доверялъ свои дѣла и одного изъ нихъ произвелъ прямо въ помощники дѣлопроизводителя канцеляріи генералъ-штабъ-доктора. Они ему были нужны, потому что народъ они почтительный и исполнительный, особенно относительно денежныхъ дѣлъ... При этомъ нельзя также пройти молчаніемъ о свѣдѣтельномъ куріозѣ. Свѣдѣтель Брандъ заявилъ, что докторъ Кивецъ рассказывалъ ему, какъ съ него просили 1,500 р. за мѣсто морскаго врача; не желая платить такихъ денегъ, онъ толкнулся въ военное министерство, чтобы поступить туда, но тамъ запросили еще дороже... Это заявленіе вызвало смѣхъ въ публикѣ. Засѣданіе было закрыто около двухъ часовъ пополудни.

Слѣдующее засѣданіе, 4-го мая, открылось въ 11 час. 10 мин. дня. По открытіи засѣданія защитникъ подсудимаго Буша г. Бобринцевъ-Пушкинъ сдѣлалъ суду заявленіе относительно резюмѣ вчерашнихъ свѣдѣтельскихъ показаній. По его словамъ, всѣ свѣдѣтельскія показанія основаны только на слухахъ и уличной молвѣ, что не можетъ быть допускомъ на судъ, гдѣ требуются, какъ доказательство, только факты. Г. прокуроръ возражалъ пр. пов. Бобринцеву-Пушкину. Показаніе свѣд. Галузинскаго есть доподлинный обвинительный актъ противъ подсудимаго и, главнымъ образомъ, противъ тайнаго совѣтника Буша. Очертывая рельефно всѣ придиры, нападки, несправедливости, систематическія прижимки и нечестно въ медицинѣ тайнаго совѣтника Буша, свѣдѣтель сказалъ, что онъ никогда не думалъ, чтобы морская лѣчебная часть такъ низко пала у насъ, какъ это сдѣлалось при тайномъ совѣтникѣ Бушѣ. Для справедливости тутъ мѣста не было. Этого мало, г. Бушъ своими жестокими необузданными дѣяніями свелъ одного доктора съ ума и вогналъ въ халатку другого. По словамъ этого свѣдѣтеля, тайный совѣтникъ Бушъ все честное, порядочное отталкивалъ отъ себя и си-

стематически преслѣдовалъ, пускаясь на разныя озорничества Кита Китыча. Г. Бушъ свирѣлѣлъ при встрѣчѣ съ своими подчиненными докторами, такъ что доктора прятались отъ г. Буша и бѣжали его, какъ грозной чумы, а попался на глаза—бѣда. За то онъ былъ милостивъ и любезенъ къ тѣмъ, которые если не ему, то его любимцамъ Андрееву или Парфенову давали взятки или веселія. Только деньги могли заставить г. Буша въ объясненіяхъ съ нимъ быть человѣкомъ, а не звѣремъ. Свѣдѣтель также много вынесъ горя отъ подсудимаго Буша. Свѣдѣтель привелъ цѣлый рядъ самыхъ возмутительныхъ насильствъ г. Буша надъ нимъ и его сотоварищами. Оказывается, по словамъ свѣдѣтелей, что г. Бушъ занялъ такой важный постъ въ медицинскомъ мірѣ, какъ постъ генералъ-штабъ-доктора, не по научнымъ своимъ достоинствамъ, которыхъ у него не было, а только по капризу покойнаго бывшаго управляющаго морскими министерствомъ Н. К. Краббе. Показанія начальника военно-морской медицинской части въ Петербургѣ Мерцалова окончательно констатируютъ всѣ неблаговидныя дѣянія г. Буша, въ которыхъ онъ обвиняется.

Г. Бушъ съ бумагою въ рукѣ возмущалъ на показаніи г. Мерцалова. Показанія инспектора студентова военно-медицинской академіи Попова, дававшего показанія послѣ Мерцалова, также неблагопріятны для защиты. Свѣдѣтель, отставной военно-морской врачъ г. Смирновъ (третій Смирновъ), категорически заявилъ, что онъ далъ взятку въ 85 рублей прямо въ руки подсудимаго Парфенова, послѣ чего г. Бушъ обошелся съ нимъ ласково и онъ достигъ желаемого.

На этомъ показаніи въ 6 час. 35 мин. вечера засѣданіе суда было прервано до 11 часовъ слѣдующаго дня. Дѣло это, какъ полагаютъ, продолжится около трехъ недѣль.

Въ кіевскомъ военно-окружномъ судѣ, какъ сообщаютъ „Голосу“, предстоитъ къ разбору интересное дѣло о бывшемъ командирѣ 2-го отдѣленія, 2-го эшелона воынонаемнаго интендантскаго транспорта, нынѣ состоящемъ по армейской пѣхотѣ, майорѣ Владимѣрѣ Колоколыцѣвѣ и братѣ его, помощникъ его же, поручикъ Валентинъ Колоколыцѣвѣ. Владимѣръ Колоколыцѣвъ обвиняется въ томъ, что воплотъ въ противозаконную сдѣлку съ агентами подрядчика Варшавскаго, самъ поставилъ нѣсколько своихъ собственныхъ подводъ въ отдѣленіе для перевозки казеннаго груза, получая за это плату; что отъ подрядчика получалъ въ свою пользу деньги въ видѣ жалованья; что производилъ съ погонцевъ вѣреннаго ему отдѣленія денежные поборы въ свою пользу, за уменьшеніе груза съ подводъ, и что изъ корыстныхъ видовъ показывалъ по отчетности 15 подводъ, вовсе не существовавшихъ, получая за это въ свою пользу по 2 руб. въ сутки за каждую недостававшую подводку. Валентинъ Колоколыцѣвъ обвиняется въ томъ, что также поставилъ за деньги свои подводки и употреблялъ за погонцевъ нижнихъ чиновъ, состоявшихъ на службѣ въ томъ же отдѣленіи.

„Nene Freie Presse“ сообщаетъ, что 10-го мая въ Бродяхъ насчитывалось 7,200 выходцевъ изъ Россіи. Такъ какъ ежедневно прибываетъ не менѣе 200 человѣкъ, а отправляется ежедневно не болѣе 500, то послѣдствіемъ трудно себѣ представить. Тѣмъ не менѣе, комитетъ долженъ былъ рѣшиться сконцентрировать эмигрантовъ въ Бродяхъ и даже доставить туда же тѣхъ, которые находились на Львовѣ, такъ какъ только въ Бродяхъ возможно болѣе или менѣе продолжительное пребываніе эмигрантовъ. Въ субботу отправляется транспортъ, въ которомъ находится 22 выходца изъ Балты.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Ровно (корреспонд. „Южнаго Края“). Въ настоящее время всеобщенная тема для разговоровъ отложена у насъ въ сторону. Все и вся толкуетъ лишь о странномъ градѣ, который выпалъ у насъ въ субботу 24-го апрѣля въ 5 часовъ вечера. За послѣднее время у насъ стояла несносная жара, электричества накопилось много, а грома еще не было. Наконецъ, въ субботу съ юго-западной стороны неба пошелъ по направлению къ Ровно густая черная туча; раздался громъ и пошелъ мелкій дождь. Но черезъ нѣсколько минутъ поднялась очень сильная буря, и вмѣстѣ съ тѣмъ пошелъ такой крупный градъ, котораго старожилы не запомнятъ. Каждая градина была величиною съ воловскій орѣхъ и болѣе; падали онъ такъ густо и съ такой громадной силой, что въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ появлялись не только стекла въ окнахъ, но во многихъ мѣстахъ и оконныя рамы, проходили насквозь черезъ крыши. Градины эти были не свѣтло-бѣлаго рыхлаго строенія, а настоящіе куски льда. Птицы, застигнутыя на лету градомъ, падали убитыми на землю, и

кѣи скотъ, находившійся въ то время на поляхъ, сильно пострадалъ, изъ жителей нѣкоторые ранены: кто въ носъ, кто въ лобъ и т. д. Пространство захвачено градомъ довольно обширно. Пошвыотъ, однакожъ, онъ не повредилъ; только плодовъ въ этомъ году намъ нечего ожидать: не только цвѣтъ и зародыши фруктовъ собиты градомъ, но и листья, и вѣтки деревьевъ. Въ городѣ выбито столько стеколъ, что убытокъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Обыватели три дня сидѣли въ домахъ безъ стеколъ: не доставало стекольниковъ для работы, да и стекла не было запасено. Стекольщики наши устроили стачку и брали очень дорого.

Въ нашемъ реальномъ училищѣ очень много неостоятельныхъ учениковъ. Причинъ подобнаго явленія много. Я укажу изъ нихъ лишь на одну, характеризующую нѣсколько нашихъ ровенцевъ. Какъ извѣстно, ученики высшихъ классовъ занимаются репетиторствомъ. Это составляетъ единственный источникъ жизни для бѣднаго ученика. Но у насъ трудъ репетитора оплачивается такъ скудно, что ученику приходится потратить 5—6 часовъ ежедневно, чтобы обезпечить свое жалкое существованіе; столько свободнаго времени у ученика нѣтъ, особенно при томъ запрещеніи появляться на улицѣ послѣ заката солнца, какое существуетъ здѣсь. Все это способствуетъ тому, что многие ученики страдаютъ, живутъ *отпоролодъ*. Къ тому же здѣшнее еврейское населеніе учениковъ реальнаго училища совершенно почти не прилагаетъ для уроковъ, а воспитаніе дѣтей своихъ отдастъ въ руки какихъ-то доморощенныхъ, безграмотныхъ „прейберовъ“, по просту пидеовъ. И нашему училищному начальству можно сдѣлать заслуженный упрекъ по этому поводу. Если бы преподаваніе находилось только въ рукахъ людей, имѣющихъ на то право (а здѣсь такими являются лишь ученики высшихъ классовъ), то между учениками не было бы примѣровъ крайней бѣдности, безвыходнаго положенія, т. е. выхода изъ училища. Но если эти несчастные ученики поддерживаютъ кое-какъ свое существованіе, то платятъ за право ученія для нихъ вещь совершенно невозможная. Но на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей. Прямою благотворительностью, положимъ, наши ровенцы не отличаются, и даже не имѣютъ объ ней совершенно никакого понятія. Послушать же хорошую музыку, пріятное пѣніе или насладиться фокусамъ—это, по ихъ части. И вотъ изъ года въ годъ нѣкоторые изъ здѣшнихъ дамъ даютъ концерты въ пользу бѣдныхъ учениковъ, а иногда такой-нибудь пріѣзжій артистъ сжалится надъ положеніемъ ровенскихъ бѣдныхъ учениковъ и дастъ въ ихъ пользу одно, два представленія. Какъ на образецъ ровенской благотворительности укажемъ на слѣдующій фактъ. Являлись однажды зимою къ одному изъ нашихъ первѣйшихъ богачей Д. С. Горнштейну для пожертвованія въ пользу бѣдныхъ учениковъ, но сей достославный мужъ, не мало не стѣнялся, сердито отвѣтилъ: „не говорите мнѣ объ ученикахъ, они съ негодны, развратники, я ихъ знать и вѣдать не хочу!“ Онъ увѣренъ, что общество не только его не осудитъ за подобную выходку, но будетъ еще благодарно, ибо люди, стоящіе ниже его по лѣтнщнѣ благополучія, въ силѣ подражанія, видя блестящій примѣръ, также могутъ удержатъ въ своихъ карманахъ и кошелекѣ не одинъ рубль! Нѣсколько дней тому назадъ учитель здѣшняго реальнаго училища, г. Завестовскій, читалъ лекцію о важнѣйшихъ паразитахъ въ человѣческомъ организмѣ. Преметъ для чтенія избранъ былъ весьма полезный и интересный. Къ тому же сборъ предназначался въ пользу бѣдныхъ учениковъ. Можно было ожидать, что зала будетъ полна слушателями, такъ какъ и плата назначена была незначительная. Но на лекціи, кроме учениковъ, почти никого не было. Объ уѣздныхъ „сликахъ“ и говорить нечего. Вотъ если бы фокусники пріѣхали, или музей съ „секретными“ отдѣленіемъ прибылъ, тогда бы мы не только сами побѣжали, но и жонъ, и дочекъ нашихъ повели смотреть.

Одесса. — Благодаря неостоятельству погоды въ настоящую весну, выражающемуся рѣзкими переходами отъ жары къ холоду, теперь нѣтъ уѣзда въ губерніи, гдѣ не проявилась бы какая либо эпидемическая болѣзнь. Въ особенности, какъ пишутъ въ „Нов. Вр.“, страдаетъ александрийскій уѣздъ, гдѣ дифтеритъ все болѣе и болѣе вступаетъ въ свои права, пожирая не только малолѣтнихъ, но и взрослыхъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ смертность между дѣтми столь громадна, что встрѣчаются семьи, въ которыхъ всѣ дѣти умерли. Главныя причины страшнаго развитія этой болѣзни видятъ въ неудовлетворительной организаціи медицинской помощи и въ игнорированіи самыхъ элементарныхъ гигиеническихъ требованій. Такое положеніе вещей наводитъ уныніе на сельское

населеніе, сознающее свою безпомощность въ борьбѣ съ этимъ бичомъ.

Симферополь. — „Русск. Кур.“ пишутъ: благодаря сухой зимѣ и отсутствію весною дождей въ симферопольскомъ, перекоскомъ, епаторійскомъ и мелитопольскомъ уѣздахъ нашей губерніи всходы хлѣбныхъ очень плохи, а мѣстами даже и вовсе не показались, такъ что нѣкоторые земледѣльцы вынуждены засѣвать поля въ другой разъ. Въ остальныхъ уѣздахъ, урожай тоже предвидится неудовлетворительный, но, во всякомъ случаѣ, лучшій сравнительно съ другими уѣздами. На урожай фруктъ также мало надежды: вредятъ туманы.

Стародубъ, черниг. губ. — Въ „Голосѣ“ сообщаютъ: недавно, въ селѣ Азаровкѣ, при сильномъ вѣтрѣ, вспыхнулъ пожаръ, въ короткое время уничтожившій 74 дома со всѣми холодными постройками и имуществомъ. Убытокъ громадный; многие лишились буквально всего. Причину пожара приписываютъ неосторожному обращенію съ огнемъ.

Остеръ, черниг. губ. — Той же газетѣ передаютъ, что недавно 238 домохозяевъ 12-ти селеній обратились съ просьбою о разрѣшеніи имъ переселиться на свободную казенную землю, по причинѣ малоземелья. Средній душевой надѣлъ въ упомянутыхъ 12-ти селеніяхъ составляетъ болѣе трехъ десятины; у домохозяевъ же, ходатайствующихъ о переселеніи, имѣется въ пользованіи нѣсколько болѣе одной десятины на душу.

Ефремовъ. — На дняхъ сгорѣлъ до тла въ имѣніи Ситова одинъ изъ лучшихъ конскихъ заводовъ, принадлежавшій тульскому губернскому предводителю дворянства, О. А. Свѣчину.

Мариуполь, екатери. губ. — Изъ дѣлъ, разсматривавшихся въ апрѣльскую сессію тагаарскаго отдѣленія окружнаго суда, особенно обращаетъ на себя вниманіе, по словамъ корреспондента „Нов. Вр.“, дѣло о дворяннѣ Ивановской, обвинявшейся въ двоеженствѣ. Ивановскій, по окончаніи курса въ юнкерскомъ училищѣ, на 21-мъ году, вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Посоховой, которая вскорѣ послѣ брака предалась пьянству и начала вести жизнь свободную. Не имѣя возможности и средствъ ходатайствовать о разводѣ, обвиняемый, спустя лѣтъ семь, рѣшился на второй бракъ и, по пріѣздѣ въ мариупольскій уѣздъ, женился на земледѣльницѣ Бачей, умершей чрезъ годъ. Оказавшаяся въ живыхъ первая жена Ивановскаго узнала о вступленіи во второй бракъ своего мужа и заявила властямъ. Ивановскій предсталъ предъ судомъ нравственно разбитымъ и болѣзненнымъ; признавая себя виновнымъ въ двоеженствѣ, онъ просилъ полнаго оправданія, такъ какъ поступокъ свой испутилъ трехлѣтнимъ слѣпншемъ, а кромѣ того у него находилась дочь отъ перваго брака, для которой нуженъ присмотръ и воспитаніе. Присяжные засѣдатели признали его виновнымъ, но дали снисхожденіе; судъ приговорилъ его къ лишенію нѣкоторыхъ правъ состоянія и ссылкѣ на жительство въ енисейскую губернію на три года, съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія губерніи въ теченіе десяти лѣтъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Англія. По извѣстіямъ изъ Лондона, отъ 13-го мая, фенианское тайное судилище приговорило Парнелла и Девитта къ смерти.

Въ Дублинѣ на стѣнахъ домовъ на дняхъ появилась прокламація, возбуждавшая образованіе, ирландской національной ассоціаціи, имѣющей цѣлью возстановленіе старой Ирландіи, независимости въ законодательномъ отношеніи отъ Англіи. Прокламація въ рѣзкихъ выраженіяхъ нападаетъ на городскія власти и нынѣшнюю форму правленія.

Въ засѣданіи палаты общины 29-го апрѣля, О'Доннелъ заявилъ, что онъ внесетъ, во время втораго чтенія закона о подавленіи преступленій въ Ирландіи, предложеніе, гласящее, что существующее въ Ирландіи недовольство происходитъ отъ несправедливаго изгнанія 40,000 лицъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, въ эпоху управленія дѣлами Форстера. Раздраженіе ирландскаго народа усиливается еще образомъ дѣйствій судей, полицейскихъ агентовъ и другихъ чиновниковъ. Убіеніе двухъ членовъ ирландскаго правительства, сдѣланное возможнымъ по словамъ оратора лишь благодаря преступной небрежности ирландскаго полиціи, не должно служить предлогомъ къ ограниченію безопасности и свободы ирландскаго народа.

Германиа. Изъ Берлина телеграфируютъ въ „République Française“, что тамъ сильно заняты египетскими дѣлами. Хотя слухи, что князь Бисмаркъ на дняхъ возвратится въ Берлинъ, чтобы прити къ соглашенію съ императоромъ Вильгельмомъ относительно египетскаго вопроса.

Франція. Комиссія французской палаты депутатовъ по вопросу объ уста-

новленіи формулы присяги при показаніяхъ передъ судомъ приняла, въ засѣданіи 12-го мая, слѣдующую формулу: „Я уѣрваю, какъ честный человѣкъ, когда дѣло идетъ о прошедшемъ или настоящемъ, и „Я обѣщаю, какъ честный человѣкъ“, когда дѣло касается будущаго.

Палата депутатовъ обсуждала 13-го мая въ первомъ чтеніи предложеніе касательно ответственности за несчастные случаи жертвъ коихъ могутъ дѣлаться рабочіе на фабрикахъ. Въ настоящее время, въ случаѣ полученія рабочимъ на фабрикѣ какого-нибудь пораненія или увѣчья, на его обязанности лежитъ доказывать, что ответственность за это должна пасть на хозяина фабрики или его повѣренныхъ. Комиссія, разсматривавшая новое предложеніе, предлагала поставить наоборотъ, чтобы за всѣ несчастія, могущія случиться съ рабочими на фабрикѣ, считалась отвѣтственнымъ хозяинъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ докажетъ, что несчастіе произошло отъ причинъ, коихъ нельзя было избѣжать или же по неосторожности самого рабочаго. Многие возражали противъ такой постановки вопроса, что при современномъ развитіи машиннаго производства рискъ для рабочихъ значительно увеличился помимо ихъ собственной неосторожности или непредусмотрительности хозяевъ и что, во всякомъ случаѣ, несправедливо считать послѣднихъ а priori виновниками всякаго случайнаго несчастія. Соображенія эти были признаны уважительными, и проектъ коммиссіи отложенъ.

Бюджетная коммиссія французской палаты депутатовъ, въ засѣданіи своемъ 13-го мая, высказалась въ пользу закрытія богословскихъ факультетовъ въ Лионѣ, Бордо, Руанѣ и Эвѣ. При французскомъ университетѣ остался бы въ такомъ случаѣ только одинъ богословскій факультетъ—въ Парижѣ.

Сербія. Изъ Бѣлграда телеграфируютъ въ „Presse“, отъ 2-го мая, что бывшій архимандритъ Пелагичъ, который на одной изъ рабочихъ сходовъ произнесъ коммунистическую рѣчь и участвовалъ въ бывшемъ недавно скаandalъ въ театрѣ, изгнанъ въ восточную Румелию.

С М Ъ С Ъ.

Стекланные мосты. По сообщенію лондонскихъ газетъ, въ Англіи, въ послѣднее время, сдѣланы были опыты сооруденія небольшихъ мостовъ изъ стекла. Мосты эти оказываются необыкновенно прочными и устроены на вѣкохъ лѣтнихъ конно-жѣлезныхъ дорогахъ Лондона. Стекланные мосты дешевле деревянныхъ и жѣлезныхъ и прочнѣе, не подвергаясь разваленію и гниенію.

Собака въ качествѣ полицейскаго агента. Въ воскресенье, 2-го мая, въ казармѣ пожарной команды при Александровскомъ участкѣ забѣжала собака-дворянка, принадлежавшая кому-то изъ пожарныхъ и принесла во рту кусокъ лепешки изъ ржаного хлѣба. Въ лепешкѣ этой оказалась записка, писанная однимъ арестантомъ, содержавшаяся подъ стражей въ тюремномъ замкѣ по обвиненію въ кражѣ жѣлезной каски изъ камеры мирового судьи 3-го участка, записка была адресована на имя друга подсудимаго по этому же дѣлу и въ ней писавшій сдѣлалъ подробное повѣщеніе своему коллегѣ, какъ и что онъ долженъ показывать на судѣ, который былъ назначенъ на слѣдующій день. По всей вѣроятности лепешка была переброшена изъ тюрьмы чрезъ тюремную ограду на улицу, въ надеждѣ, что она будетъ поднята тѣмъ лицомъ, кому предназначалась; но на бѣду ее схватила собака и доставила въ участокъ.

Перелеты птицъ. Нѣсколько разъ предположали, что маленькіе перелетныя птички совершаютъ свои путешествія, садясь на большіе. Слѣдующее извѣстіе изъ Эйфбурга является подтвержденіемъ этого предположенія: „Вчера вечеромъ, часовъ около 6-ти пролетѣли надъ нашимъ лѣсомъ три вереницы журавлей, изъ которыхъ послѣдняя дала возможность произвести любопытное наблюденіе надъ тѣмъ, какъ большіе перелетныя птички переносятъ съ юга на своей спинѣ маленькихъ. Когда стая достигла сѣверо-восточной границы лѣса, въ ее концѣ поднялся сильный крикъ; тогда всѣ журавли остановились, разбѣглись на партіи и расфѣлись, гдѣ полагалъ, въ воздухѣ же оказалась масса маленькихъ птичекъ, родъ которыхъ пздалъ невозможно было различить. Минуты 2 продолжался отдыхъ, затѣмъ птички снова улетѣли на журавлѣ, которые вытаскивались снова въ длинную змѣвигнутую линію и поѣздъ тронулся въ путь.“

Оригинальные обои. Если хотѣть знать, что можно сдѣлать изъ потовыхъ марокъ,—пишутъ въ одной парижской газетѣ,—то пусть постытѣ монастырь св. Иоанна брата Господня, иначе называемый Шартре, въ Парижѣ. Стѣны гостиницы этого монастыря представляютъ самую странную мозаику. Представьте себѣ обои, сдѣланные изъ однихъ потовыхъ марокъ и изображающіе самые разнообразныя фигуры. Трудоловные отцы, съ терпѣніемъ по истинѣ бенедиктинскихъ, собрали около 800,000 потовыхъ марокъ, бывшихъ въ употребленіи. Началъ эта громадная масса была разсортирована по цѣлкамъ и отбѣлкамъ, и одна эта предвзятельная операція заняла, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца. Нынѣ обои, совершенно оконченные, вызываютъ удивленіе всѣхъ посетителей монастыря. Они представляютъ китайскій пейзажъ, испанскій замокъ, швейцарское шале, собаку-милодѣ, ююскъ, павлиновъ, цѣлую коллекцію растений и цвѣтовъ, китайца, цифру 1882, готическую печь, съ фигурирующею на ней надписью: „Ad maiorem Dei gloriam!“ Остатки части стѣны покрыты украшениями всякаго рода, арабесками и пр. Все вывѣтъ взятое представляетъ такую прелестьную мозаику, гдѣ дѣла пологаны съ такимъ искусствомъ, что живописецъ, при помощи красокъ и кисти, съ трудомъ сдѣлалъ бы что-либо лучше.

